

ТАХИРА МАФИ

ТАХИРА МАФИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
М35

Tahereh Mafi
WHICHWOOD

This edition is published by arrangement with Writers House LLC
and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Елены Фельдман*
Литературный редактор *Екатерина Колябина*
Дизайн обложки *Виктории Лебедевой*
В оформлении обложки
использованы иллюстрации *Якопо Бруно*

Мафи, Тахира.

М35 Чаролес : [роман] / Тахира Мафи ; [пер. с англ. Е. Фельдман]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 352 с. — (Изумрудный атлас).

ISBN 978-5-17-111696-5

Эта история начинается морозной ночью...

Юная Лейли с трудом может припомнить то счастливое время, когда ее мама была еще жива. Когда ее отец еще не погрузился в пучину бесконечной печали и не забыл дорогу в свой дом. На одиннадцатилетнюю девочку, жившую на краю Чаролеса, навалилась вся тяжесть их семейной магии: год за годом помогая мертвым отправляться в Запределье, Лейли превратила свою жизнь в унылое существование.

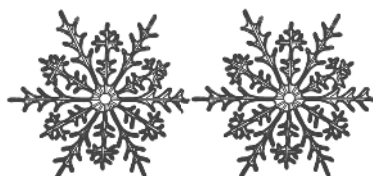
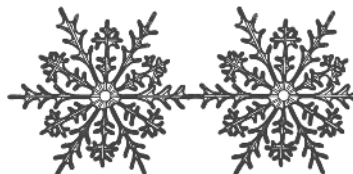
Но однажды она встречает очень странную парочку, и ее мир переворачивается с ног на голову...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© 2017 by Tahereh Mafi
© Е. Фельдман, перевод на русский
язык, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-111696-5

*Моим родителям –
за долгие вечера с персидской поэзией
и бесконечными чашками чая*

НАША
ИСТОРИЯ
НАЧИНАЕТСЯ
МОРОЗНОЙ
НОЧЬЮ

Новорожденный снег выписывал мягкие изящные спирали; огромные — размером с блин — снежинки при падении отливали серебром. Деревья стояли, спрятав ветви в пушистые муфты, по зеркальной корке озера скользили лунные лучи. По миру шествовала тихая медленная ночь, а за ней нежной поступью следовала зима.

В Чаролесе она была долгожданной гостьей. Местные жители искренне любили холод и находили особое удовольствие в снеге (первый снегопад становился поводом для отдельного торжества). А еще у них было довольно еды и развлечений, чтобы скоротать темное время года. Близилась Ялда — важнейший праздник, день зимнего солнцестояния, — и весь Чаролес кипел от предвкушения. Как нетрудно догадаться, это место изобиловало магией, а Ялда среди всех его праздников была самой волшебной. Не только потому, что это была последняя ночь осени и самая длинная ночь года, время, когда люди обмениваются подарками, пьют

чай и бесконечно пируют; нет, Ялда славилась и многим другим. Но прямо сейчас мы слегка ограничены во времени (вот-вот произойдет кое-что важное, и мне нельзя отвлекаться ни на минуту), поэтому в подробности я вас посвящу позже. Пока вам достаточно знать вот что: каждый первый снегопад приносил с собой веселье и воодушевление, до начала зимы оставалось всего два дня, и жителей Чаролеса переполняла радость.

За одним серьезным исключением.

В городе был ровно один человек, который не принимал участия в торжествах. Ровно один человек, который плотнее запахивал шторы и проклинал песни и пляски чудесного вечера. Это вообще был очень странный человек.

Посудите сами: Лейли *ненавидела* холод.

К тринадцати годам она давно растеряла живой бескомпромиссный оптимизм, обычно присущий подросткам. Она не была подвержена капризам, не интересовалась декадансом и с равнодушием относилась к тем прелестным вещичкам, которые вызывают у девочек ее возраста приступы неконтролируемого умиления. Нет, Лейли ненавидела холод, терпеть не могла радостную суматоху и не выносила не только праздники, но и празднующих. (По правде говоря, Лейла много чего ненавидела — в том числе и свою судьбу, — но зима в ее списке ненависти занимала одну из верхних строчек.)

Хоть в снег, хоть в гололед — Лейли все равно была вынуждена долгие часы работать на коленях, омывая тела умерших в огромной фарфоровой ванне на заднем дворе. Ну, после того как их туда затащит. Она натирала неестественно вывернутые шеи, сломанные ноги и грязные ногти до тех пор, пока ее собственные пальцы не переставали что-либо чувствовать. Затем она развешивала мертвецов на просушку — только чтобы вскоре вернуться и посбивать с носов и подбородков наросшие сосульки. У Лейли не было ни каникул, ни отпусков, ни даже четкого расписания. Она работала, пока поступали клиенты, — а в ее случае это означало «не покладая рук». Видите ли, зима в Чаролесе была очень популярным временем для кончины.

Сегодня Лейли уже побывала насупленной (на самом деле обычное ее состояние), раздраженной (чуть сильнее, чем обычно), замотанной (вплоть до удушья) и голодной. Так что она твердо решила изловить на ужин несколько снежинок. Свежие снежинки были самыми пышными и хрустящими — редкое лакомство, для поймки которого требовалось немало сноровки. Если позволите заметить: я прекрасно сознаю, что снежинки — очень странный выбор для ужина, но ведь и Лейли Лейла Фенжун была очень странной девочкой, и несмотря на (а возможно, как раз благодаря) ее профессию,

в ее жизни крайне недоставало лакомств. Особенно сегодня, когда ей пришлось вымыть девять огромных, насквозь прогнивших покойников — то есть на четыре больше, чем обычно!

На самом деле она частенько мечтала, чтобы ее семья выбрала какой-нибудь другой вид заработка, помимо омовения усопших.

Правда, когда я говорю «семья», то имею в виду одну Лейли. Мама умерла два года назад (в самовар упал таракан, мама случайно выпила его вместе с чаем и подавилась; ужасно трагичная история), но у Лейли даже не было времени как следует ее оплакать. Большинство духов уходили дальше после хорошего омовения, однако мама Лейли продолжала парить по дому и критиковать лучшую работу дочери, даже когда та спала. На папу тоже не было надежды: он исчез почти следом. Не прошло и двух дней после маминых похорон, как он, оглушенный потерей жены, опрометчиво отправился на поиски Смерти, чтобы перекинуться с Ним парой ласковых.

К сожалению, Смерть было не так-то просто найти.

К еще большему сожалению, горе настолько повредило папин рассудок, что за эти два года его путешествие не продвинулось дальше центра города. Скорбь не только сбила его с пути, но и лишила разума. Все стены и углы в папином сознании словно перепутались, и теперь там не

было даже крохотной комнатки для единственной дочери. В его войне с горем Лейли пострадала случайно; но выиграть эту битву у папы не было никаких шансов, и в конце концов он сдался дурману забвения. Собираясь в город по делам, Лейли нередко проходила мимо растерянного отца, ободряюще хлопала его по плечу и подкладывала в карман гранат.

Но об этом позже.

Сейчас важно знать следующее: это была холодная, промозглая ночь, и Лейли как раз заканчивала ловить остатки ужина, когда ее внимание привлек странный шум. Даже несколько: двойной стук, хруст сломанной ветки, глухой удар, звук, с которым обычно втягивают воздух, и сразу же — перепалка шепотков.

Не оставалось никаких сомнений: у дома бродили чужаки.

Любого нормального человека это открытие по меньшей мере встревожило бы. Но Лейли, как я уже сказала, была весьма далека от нормальности, а потому даже не подумала пугаться. Честно говоря, она... растерялась.

Дело в том, что в эти края никто никогда не заходил; а если бы зашел — помоги ему бог! Мало кто хотел наткнуться на сарай, полный распухших гнилых трупов. Именно поэтому семья Лейли жила практически в изоляции. Им принадлежал скромный, продуваемый всеми ветрами особняк на крохотном полуострове, который, в свою

очередь, выдавался с окраины города. По сути, Лейли обитала в негласной ссылке — страшная неблагодарность, которой она уж точно не заслужила. Но никто не торопился селиться по соседству с девочкой, зарабатывающей на жизнь омовением мертвецов.

В любом случае, Лейли не привыкла слышать человеческие голоса возле своего жилища, и это вызвало у нее подозрение. Высоко вскинув голову и наострив уши, она сложила пойманные снежинки в узорную серебряную коробку для ужинов — одну из фамильных реликвий — и на цыпочках прокралась со двора в дом.

Лейли редко испытывала смятение или страх. Нет, она каждый день имела дело со смертью, и незнакомцы, которые напугали бы большинство людей, не могли произвести слишком сильного впечатления на девочку, привыкшую беседовать с духами. (Разумеется, это было тайной: Лейли осмотрительно помалкивала о том, что может разговаривать с покойной родней горожан; она не собиралась нагружать себя излишней работой помимо той, что уже дожидалась ее в сарае.) Поэтому, пробираясь в особняк, который служил ей домом, Лейли не ощущала боязни — только щекотку любопытства. Та согрела ей сердце, и девочка вдруг моргнула, с удивлением и благодарностью почувствовав на лице непривычную улыбку.

Парящая в коридоре мама уже собиралась вывалить на Лейли обновленный список своих горестей, когда зимний ветер рванул из рук девочки тяжелую деревянную дверь и от души хлопнул ей об косяк. Лейли невольно вздрогнула и прикрыла глаза — хотя так и не выпустила из пальцев серебряную коробку.

— Где ты была? — возмутилась мама, сгустившись перед дочерью. — Тебе что, совсем плевать на мои чувства? Ты хоть понимаешь, как я несчастна: сижу в этом доме одна-одинешенька, шагу за порог ступить не могу...

(Это было отчасти правдой: мама действительно ни на шаг не покидала границ дома — но не потому что не могла, а потому что *забыла*, что может. С годами у призраков тоже развивается маразм.)

Лейли не стала отвечать: просто стянула с головы старенький, но все еще замечательно яркий бахромчатый шарф, расстегнула продолговатые пуговицы на отороченном мехом зимнем плаще и повесила их сушиться рядом с дверью. Мех был подарком от лиса, который приберег для нее шерсть с летней линьки, и сегодня ночью Лейли была особенно благодарна ему за лишнее тепло.

— Поговорить ни с кем, — продолжала завывать мама, — ни от кого не дождешься и слова жалости...